

О ДАТИРОВКЕ АРТХАШАСТРЫ

Вопрос о датировке Артхашастры¹ представляется весьма сложным и трудным и до сих пор еще не решен окончательно. Несмотря на разнообразие доводов, приводимых для выяснения этого вопроса, все исследования, посвященные Артхашастре, могут быть разделены на две группы: в одних, согласно установившейся индийской традиции, создание Артхашастры относится к периоду между IV и III вв. до н. э., в других, согласно европейской традиции, — к III или к первым векам нашей эры.

Индийской традиции придерживаются такие исследователи, как Р. Шамашастри, которому принадлежит заслуга открытия Артхашастры и первое издание текста памятника², Гауапати Шастри, издавший в 1924—1925 гг. текст Артхашастры с комментарием на санскритском языке³, Г. Якоби, исследовавший ряд вопросов, связанных с историей и происхождением Артхашастры⁴, Гопал Дамодар Тамаскар, написавший на хинди исследование об Артхашастре Каутильи⁵, Джаганлал Гупта и Бхагаваидас Кела, опубликовавшие на хинди исследование: «Экономические взгляды Каутильи»⁶, О. Штейн⁷, И. Мейер, издавший в 1926 г. немецкий перевод Артхашастры⁸, Н. Ч. Бандйюпадхья⁹, Бернгард Брелёр, посвятивший свое

¹ Краткие сведения об Артхашастре см. В. И. Кальянов, Артхашастра — политико-экономический трактат древней Индии, ВДИ, 1939, № 2, стр. 95—101.

² *Kautiliyam Arthaśāstram. Arthasastra of Kautilya, revised and edited by R. Shama Sastri, Mysore, 1919; Kautilya's Arthasāstra. Translated by dr. R. Shama Sastri, with an introductory Note by the late dr. J. F. Fleet, Mysore, 1929.*

³ *Kautiliyam Arthaśāstram. The Arthasāstra of Kautilya, with the commentary Śrīmūlā of Mahamahopādhyāya T. Gaṇapati Śāstrī. Edited by the commentator, I—III, Trivandrum, 1924—1925.*

⁴ Н. Якоби *Zur Fhr geschichte der indischen Philosophie*, SBA, 1911, стр. 732; он же, *Kultur- Sprach und Literaturhistorisches aus dem Kautiliya*, там же, стр. 954; он же, *Über die Echtheit des Kautiliya*, SBA, 1912, стр. 832.

⁵ Гопал Дамодар Тамаскар, *Kautiliya arthaśāstra-mīmāṃsā*, (на хинди), Prayāg (Аллахабад), 1926.

⁶ Джаганлал Гупта и Бхагавандас Кела, *Kautilya ke ārthik dīkā* (на хинди), Vrāṇḍāvan, 1933.

⁷ Otto. Stein, *Megasthenes und Kautilya* Wien, 1921.

⁸ См. также, J. J. Meyer, *Über das Wesen der Altindischen Rechtschriften und ihr Verhältniss zu einander und zu Kautilya*, Leipzig, 1927.

⁹ Narayan Chandra Bandyopadhyaya, *Kautilya or an Exposition of his social ideal and political theory*, Calcutta, 1927, т. 1.

исследование изучению труда Каутильи в связи с землевладением и частным правом в древней Индии¹, Стен Конов², акад. С. Ф. Ольденбург, исполнивший в 1931—1932 гг. русский перевод первой книги Артхашастры³, и другие.

Европейской традиции придерживаются Дж. Джолли и Р. Шмидт, издавшие текст Артхашастры вместе с комментарием «Ная Чандрика» Мадхавы Яджвы⁴, М. Винтерниц, автор обширного трехтомного труда по истории индийской литературы⁵, акад. Ф. И. Щербатской, руководивший работой бригады по переводу на русский язык Артхашастры⁶, Д. А. Сулейкин⁷ и другие.

Выводы первой группы исследователей могут быть сведены к следующим положениям:

1. В различных литературных памятниках: в «Вишнупуране», в «Нитписаре» («Компендиум политики») Камаидаки, который считает себя учеником Каутильи⁸, в «Нитивакьямрите» («Пектар слов политики»), принадлежащей джайнскому автору Саматевасури, современнику царя Яшодхары, в романе Дандина «Дашакумарачарита» («Приключения десяти принцев»), в «Катхасаритсагаре» («Океан рек рассказов»), в «Мудраракшасе» («Печать и министр Ракшаса»), драме Вишакхадатты, в «Чанакьяватха» («Рассказы о Чанакье»), написанном Равинартакой, и в других сочинениях упоминается о том, что брахман Каутилья сокрушил владычество Напдов и возвел Чандрагупту на трон, или о том, что Вишнугуптой (он же Чанакья, или Каутилья) составлено руководство по политике для царя Маурья. Из этого делается вывод, что Каутилья был первым министром Чандрагупты и написал для него руководство.

2. На основании индийских эпиграфических исследований несомненно известно, что Чандрагупта Маурья правил царством с 321 по 298 г. до н. э.⁹

3. В отчетах Мегасфена об Индии содержатся сведения о Чандрагупте (греч. Σανδραγοπτος), при дворе которого в Паталипутре Мегасфен находился посланником Селевка Никатора с 315 по 291 г. до н. э.¹⁰ Поэтому проблема Артхашастры связывается с проблемой Мегасфена.

4. Для доказательства того, что Артхашастра относится ко времени династии Маурья, приводятся названия монет, упоминаемых в памятнике, а именно: *kāṣṣārōpa, rāpa, pāda, maṣa* (Artha., II, 12, 19). Эти монеты имели хождение во времена Палини и

¹ В. Врелоер, *Kautaliya Studien*, I—II, Bonn, 1927—1928.

² Стен Конов, *Kautalya Studies*, Oslo, 1945.

³ См. акад. С. Ф. Ольденбург, Современная постановка изобразительных искусств и их техники в Индии, ИГАНМК, т. VIII, вып. 1 (1931); он же, О некоторых новых индийских работах по истории и экономике Индии, БВ, вып. 2—4 (1934).

⁴ *Kautiliyam Arthaśāstram. Arthaśāstra of Kautilya. A new Edition by dr. J. Jolly and dr. R. Schmidt*, т. I (Text), т. II (Notes), with the commentary *Naya Candrika of Mahamahopādhyāya Mādhava Jajva*, Lahore, 1923—1924.

⁵ M. Winternitz, *Geschichte der indischen Litteratur*, т. III, Leipzig, 1920, стр. 518; см. он же, *Surungā and the Kautiliya Arthaśāstra*, «The Indian Historical Quarterly», Calcutta, т. I, № 3 (1925).

⁶ К этой точке зрения акад. Ф. И. Щербатской пришел в результате работы над переводом Артхашастры; ранее он придерживался индийской традиции, см. Ф. И. Щербатской, К истории материализма в Индии, ВЗ, I, Л. (1927).

⁷ Д. А. Сулейкин, Основные вопросы периодизации истории древней Индии, УЗТИАИ, т. II, Индийский сборник, М.—Л., 1949, стр. 185—190.

⁸ N. Ch. Vandyopādhyāya, ук. соч., т. I, стр. 6.

⁹ T. Gaṅgaratī Sāstrī, ук. соч., ч. I, стр. 5; R. Shamasastry, *Kautilya's Arthaśāstra*, предисловие к английскому переводу, Mysore, 1929, стр. VII.

¹⁰ O. Stein, ук. соч., стр. 3, 6 сл.; 15 сл. и др.; В. Врелоер, *Kautaliya Studien*, I, стр. 13, 48, 68 и др.

продолжали употребляться в период царствования Чандрагупты, пока не были заменены динарами (dīnāra) незадолго до Патанджали (около II в. до н. э.)¹.

5. Поскольку дата «Камасутры» («Наука любви») Ватсьяяны в позднейшей своей редакции может быть определена не древнее III в. н. э., создание Артхашастры, из которой многое заимствовано Ватсьяяной, следует отнести не менее чем на пять или шесть столетий раньше². Это аргументируется, во-первых, тем, что греческие астрономические термины, содержащиеся в Камасутре (Kāma., III, 1), в Артхашастре не встречаются; во-вторых, знакомством Ватсьяяны (в разделе об определении любви) с философией Вайшешика, тогда как Каутилья в своем определении философии—*Advikṣakī*—ее игнорирует (Artha., I, 2); в-третьих, тем, что в Камасутре объявляется похвальным воздержание от употребления мяса (Kāma., I, 2), между тем как Каутилья в главе *Sūnādhyakṣa* «Надзиратель за бойнями» разрешает продажу мяса и предписывает компенсацию мясом за продажу костистого мяса³.

6. Некоторые термины, применяемые в Артхашастре, соответствуют терминам, встречающимся в древних литературных памятниках. Так, термин *satraṅgin* (*satraṅga*), употребляющийся в Артхашастре⁴ для обозначения армии, состоящей из четырех родов войск, встречается в Махабхарате и Рамайане⁵. Применяемые в Артхашастре (II, 10) грамматические термины: *nāman*, *akhyāta*, *prasagra* и *nīpata* для обозначения соответственно имени, глагола, предлога и союза согласуются с «Нируктой» («Этимология») Яски (I, 8), «Махабхашей» («Большой комментарий») Патанджали (I, 3,17) и с грамматикой Панини (I, 5,6), за исключением терминов *nāman* и *akhyāta* для обозначений имени и глагола, которые заменены у последнего техническими терминами *sup* и *tiñ*⁶. Некоторые политические термины, как *mahāmātra* «главный чиновник» или «министр», *samāja*, «собрание» и др., являются общими в Артхашастре и в надписях императора Ашоки (Гирнарский вариант). Предполагают, что эти термины могли быть переведены с санскрита на пракриты⁷ для употребления должностными лицами Ашоки⁸.

Таковы основные доводы, которые приводятся в доказательство того, что создание Артхашастры приурочивается к IV—III в. до н. э.

Вторая группа исследователей аргументирует свои положения главным образом следующими доводами:

1. В отчете Мегафена ничего не говорится о Каутилье. В своем сочинении «Махабхашья» Патанджали, упоминая Маурьев и зал собраний царя Чандрагупты (*Sandragupta-sabha*), также умалчивает о Каутилье и его произведении. В самом памятнике «Артхашастра» отсутствуют какие-либо упоминания о царе Чандрагупте и его столице Паталипутре. Все эти обстоятельства свидетельствуют о том, что автор Артхашастры не был современником Чандрагупты⁹.

2. На основании сравнительного изучения санскритских литературных памятников дата Камасутры определяется IV в. н. э. При сличении текста Камасутры и Артхашастры привлекает внимание то обстоятельство, что древние учителя, на которых ссылаются оба автора, цитируются либо под общим названием: *asāgūṇ* «учителя», либо отдельно по их именам, причем в обоих произведениях встречаются два редких имени: *Ghoṭa(ka)mukha* и *Sāgūyaṇa*. Сходство, обнаруженное в цитировании двух

¹ R. S h a m a s a s t r y, ук. соч., стр. XXVIII.

² H. J a c o b i, Über die Echtheit des Kauṭīliya, SBA, 1912, стр. 841; S t e n K o n o w, ук. соч., стр. 5; Ср J. J o l l y, ук. соч., стр. 24.

³ S t e n K o n o w, ук. соч., стр. 7; Ср J. J o l l y, ук. соч., стр. 24—25.

⁴ Kauṭīliyam Arthaśāstram, II, 33,12; IX, 1,51; IX, 2,52; X, 4,13 (по Лахорскому изданию Дж. Джолли).

⁵ S t e n K o n o w, ук. соч., стр. 54.

⁶ Там же, стр. 14.

⁷ Т. е. на народные языки соответствующих областей.

⁸ S t e n K o n o w, ук. соч., стр. 5.

⁹ J. J o l l y, ук. соч., стр. 30, 43, 47.

таких редких авторитетов, является доказательством родства, существующего между двумя этими произведениями. Воздержание от мясной пищи, которое считается в Камасутре похвальным, не находится в прямом противоречии с Артхашастрой, где обычай *ahiṃsā* «отсутствие насилия» предписывается для всех четырех ступеней жизни (I, 3). Близкое сходство между Артхашастрой и Камасутрой, которая испытала значительное влияние первой, позволяет заключить, что Артхашастра была создана самое большее на столетие раньше Камасутры, т. е. в III в. н. э.¹

3. Сопоставление многочисленных и поразительных соответствий, обнаруженных в сводах законов и в Артхашастре, приводит к заключению, что Каутилья был знаком с основным содержанием литературы Дхармасутр (т. е. сводов законов). Утверждают поэтому, что метрические правила Дхармасутры (Наука о законе или морали) были Каутильей обращены в прозу, особенно правила, взятые из Яджнявалкьи, соответствие с которым особенно близко².

4. Автор Артхашастры употребляет поздний термин *śilpa* для обозначения меди и для обозначения рудника, коли термин *suruṅga* и *suruṅga*, который, вероятно, произведен от древнегреческого слова *surinx*. Согласно описанию Артхашастры, металлургия и рудничное производство в это время были высоко развиты, производство металлов было государственной монополией и находилось в руках специальных чиновников, которые наблюдали за многочисленными отраслями разработки металлов и минералов. Мегасфен же, в противоположность этому, ссылается только на пять видов металлов, производившихся в Индии, а Страбон описывает индийцев как неопытных в рудничном и плавильном искусствах³.

5. Артхашастра упоминает о книгах, о письмах и паспортах, о регистрации и корреспонденции, о писках и счетчиках и посвящает целую главу изложению правил для составления царских указов (II, 10). Мегасфен же сообщает, что индусы не были знакомы с письмом⁴.

6. Характер производственных отношений, картина общественного строя и государственного устройства, экономические и политические учреждения, описанные в Артхашастре, представляются гораздо более развитыми и сложными и выступают более рельефно, нежели те, о которых упоминается в заметках Мегасфена и надписях царя Ашоки. На основании этого Д. А. Сулейкин считает, что «Артхашастра» Каутильи является источником для изучения периода с I в. до н. э. по III в. н. э., который он характеризует как период разложения древнеиндийского рабовладельческого общества⁵.

Признавая справедливость ряда доводов, приводимых в защиту обеих точек зрения, следует отметить, что некоторые из них, особенно основывающиеся на сообщениях Мегасфена, вызывают серьезные возражения. Труд Мегасфена об Индии сохранился лишь в пересказе Арриана и других древних авторов. Поэтому к сведениям, приписываемым Мегасфену, необходимо относиться весьма осторожно и критически. Так, нельзя согласиться с тем, что индусы в те времена не были знакомы с письмом.

Вопрос о письме в Индии является весьма сложным. Письменные памятники на индийских языках, дошедшие до нас, относятся к очень позднему времени. Древнейшие из этих памятников — надписи императора Ашоки (270—250 гг. до н. э.), сделанные на пракритах, восходят к III в. до н. э. Но это еще не дает оснований для утверждения, что до III в. до н. э. в Индии не было письменности⁶.

¹ J. Jolly, ук. соч., стр. 24—29.

² Там же, стр. 17, 20.

³ J. Jolly, ук. соч., стр. 34 сл.; M. Winternitz, *Suruṅga and the Kautilya Arthaśāstra*, стр. 429—432.

⁴ J. Jolly, ук. соч., стр. 35.

⁵ Д. А. Сулейкин, ук. соч., стр. 190.

⁶ М. Мюллер, *Шесть систем индийской философии*, перевод с англ. П. Николаева, М., 1901, стр. 190; Ч. Локотка, *Развитие письма*, перевод с чешского П. П. Соколова, М., 1950, стр. 192.

Говоря о факторах, влияющих на развитие языка, И. В. Сталин пишет: «Дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, ещё более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — всё это внесло большие изменения в развитие языка»¹. Когда появились классы, когда возникло государство и стала развиваться торговля, — появляется и настоятельная необходимость в письменности. Следовательно, древнее доарийское общество Индии, которое советская историческая наука характеризует как рабовладельческое, должно было иметь свою письменность. Подтверждением этому служат такие сложные лингвистические исследования индийцев, предпринятые еще задолго до н. э., как разложение опорного текста вед (Samhitapāṭha) на отдельные элементы для чтения по слогам (Padapāṭha), составление санскритской грамматики в форме кратких алгебраических сутр, изобилующих техническими терминами, и другие сочинения, свидетельствующие о длительном предшествующем развитии индийской письменности.

Недавно открытые при раскопках в Мохенджо-Даро и Хараппе надписи, представляющие собой образец протоиндийских писем, проливают новый свет на решение вопроса о происхождении индийской письменности и делают вполне допустимой гипотезу о возможности какой-то связи между этими древними письменными знаками и последующими письменными системами Индии². Но остается пока непонятным вопрос, почему письменные памятники периода развития рабовладельческого общества не дошли до нас.

Таким образом, вопрос о времени возникновения письменности в Индии не может служить опорным пунктом для определения даты создания Артхашастры.

При рассмотрении проблемы датировки Артхашастры от внимания исследователей обоих направлений ускользнули некоторые существенные вопросы, способствующие в той или иной мере разрешению этой задачи. К ним относятся такие вопросы, как классификация наук и определение философии в Артхашастре, сопоставление языка и стиля Артхашастры с другими произведениями. Рассмотрение этих вопросов и является целью настоящей работы.

В первом разделе Артхашастры дано такое перечисление наук и определение философии: «Философия (ānvikṣakti), учение о трех ведах (trayī), учение о хозяйстве (vārtā), учение о государственном управлении (daṇḍanīti) — это науки... Наук именно четыре — так считает Каутилья. Так как ими познается право и польза, то в этом и заключается понятие науки.

Философия — это санкхья, йога и локаята³.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 26—27.

² Акад. В. В. Струве, Дешифровка протоиндийских писем, ВАН, 1947, № 8, стр. 52.

³ Saṅkhya — букв. «перечисляющая (истинные принципы)», одна из шести ортодоксальных систем индийской философии, сутры которой приписываются Капиле. Она считается представительницей индийского рационализма, ибо пытается объяснить все мироздание из двух основных принципов — природы (prakṛti) и духа, или божественной субстанции (puruṣa или ātman) путем рациональной эволюции. Yoga — букв. «соединение, религиозные упражнения», также одна из шести ортодоксальных философских систем, сутры ее приписываются Патанджали. Йога считается представительницей индийского мистицизма, так как все внимание она сосредоточивает на различных действиях и упражнениях, посредством которых якобы приобретаются сверхъестественные силы и способности для слияния с чистым духом индийской философии. Система йога принимает почти все теоретические положения системы санкхья, не выдвигая самостоятельных теорий. Эти две системы являются родственными и считаются основными и «sanātane dve», т. е. двумя предвечными философиями (см. Ф. И. Щербат-

Философия тем, что исследует при помощи логических доказательств: в учении о трех ведах — законное и незаконное, в учении о хозяйстве — пользу и вред, в учении о государственном управлении — верную и неверную политику и исследует при этом сильные и слабые стороны этих наук, — приносит пользу людям, укрепляет дух в бедствии и в счастье и дает умение рассуждать, говорить и действовать.

Философия всегда считается светильником для всех наук, средством для совершения всякого дела, опорой всех установлений» (Artha., I, 2, 18—12¹).

Следовательно, по свидетельству Артхашастры, существовало разделение наук и их классификация, причем философия, по классификации Каутильи, среди них занимала первое место.

Наряду со своей классификацией Каутильи приводит точки зрения различных школ по этому вопросу, а именно: «Учение о трех ведах, учение о хозяйстве, учение о государственном управлении (это науки) — так считают последователи школы Манава, ибо философия, говорят они, это раздел учения о трех ведах.

Учение о хозяйстве, учение о государственном управлении — так считают последователи школы Брихаспати, ибо, утверждают они, учение о трех ведах для знающего житейский обиход только оболочка.

Учение о государственном управлении единственная наука — так считают последователи школы Ушанаса, ибо, говорят они, с ним связаны начала всех наук» (Artha., I, 2, 2—7).

Следовательно, классификация Каутильи, предполагающая существование четырех наук и трактующая философию как самостоятельную науку является шагом вперед в развитии научных знаний в древней Индии по сравнению с учением школы Манава, признающей три науки, Брихаспати, признающей две науки, и школой Ушанаса, признающей одну единую науку.

Философские взгляды в древности всегда были тесно переплетены с естественно-научными и политическими взглядами. «Древнейшие греческие философы, — писал Энгельс, называя Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена, — были одновременно естествоиспытателями»².

Однако по мере развития научных знаний о природе и обществе от философии постепенно отделялись одна за другой положительные науки, область философии все более сокращалась. Этот процесс имел положительное значение и для философии и для естественных и общественных наук.

Классификация Каутильи уже свидетельствует о начавшемся отпочковании положительных наук от философии, но этот процесс в Артхашастре представлен еще в зачаточном состоянии. Некоторые положительные науки: фонетику, грамматику, астрономию и др., Каутильи считает вспомогательными, несамостоятельными науками (aṅga), входящими в состав trayī — учения о трех ведах: «Сама-, Риг-, Яджур-веды составляют троицу (вед). Атхарваведа и Итихасаведа тоже веды. Учение о произношении (т. е. фонетика, çikṣā), обрядовый ритуал (kalpa), грамматика (vyākaraṇa), этимология (nirukta), метрика (chandas или chandovīciti), астрономия (jyotiṣa) — это вспомогательные науки» (Artha., I, 3, 1—3). В Артхашастре сильно ощущается влияние философии на другие отрасли знания.

с к о й, Теория познания и логика по учению позднейших буддистов, ч. II, СПб., 1909, стр. 2—4). Lokāyata — букв. «заботящаяся (распространяющаяся) только о земном», философская школа индийских материалистов, не входящая в шесть ортодоксальных философских систем и приписываемая Брихаспати. Эта школа, иначе называемая Ч а р в а к а, выступала яркой ненавистницей религии (см. Ф. И. Щ е р б а т с к о й, К в е т о р н и м а т е р и а л и з м а в И н д и и, стр. 4—5).

¹ Перевод, как и во всех других случаях, когда приводятся отрывки из Первой книги (отдела) Артхашастры, — акад. С. Ф. Ольденбурга. Сектор восточных рукописей Института востоковедения АН СССР в Ленинграде.

² Ф. Э н г е л ь с, Диалектика природы, 1952, стр. 147.

Сопоставление данных Артхашастры с историей развития научных знаний в древней Греции позволяет сделать предположение, что засвидетельствованное в Артхашастре начало дифференциации наук можно отнести ко времени разложения рабовладельческого строя и зарождения феодальных отношений, т. е. к I—III вв. н. э. Более глубокое и всестороннее выяснение вопроса о положении философии в древней Индии и ее отношении к другим наукам, несомненно, поможет исследователям в определении даты этого памятника.

Такое произведение как Артхашастра, представляющее собой весьма сложный компендиум политики, не могло появиться сразу, как не могли появиться сразу знаменитая грамматика Панини и Большой комментарий к ней, составленный Патаиджали, а также основные сутры всех шести главных философских систем Индии. Все эти произведения могли возникнуть только благодаря весьма длительной традиции изучения тех или иных отраслей наук или дисциплин, развитие которых требовало нескольких, если не многих, столетий. Весьма показательны, что трактат Артхашастра начинается такой фразой: «Это единое руководство политики составлено на основании извлечений из большей части тех руководств по политике, которые были изданы древними учителями с целью овладения землей и ее охраны» (Artha., I, 1).

Об этом же свидетельствуют многочисленные ссылки автора на учителей, встречающиеся на протяжении всего трактата. Некоторые из них считаются последователями тех или иных школ и носят имена их подлинных или предполагаемых основателей: Manavāh, или «последователи школы Ману», Vāhaspatyāh — «последователи школы Брихаспати», Auśanasāh — «последователи школы Ушанаса» и Āmbūyāh — «последователи школы Амбхи». В числе упомянутых учителей приводятся также 13 собственных имен: Вишалакша, Парашара, Нишуга, Бахудантипутра, Каунападанта, Ватавьядхи, Катьяяна, Канишко, Бхарадваджа, Бхарадваджа, Диргхашчараяна, Гхотамукха, Кишжалка и Пишунанутра¹.

Таким образом, по свидетельству самого памятника, создание Артхашастры было возможно благодаря длительной традиции, существовавшей в изучении политической науки. Из этого также следует, что и данное руководство в том виде, в каком оно до нас дошло, подвергалось многочисленным обработкам и редакциям.

Тем не менее при определении даты памятника следует непременно учитывать его язык и стиль.

Как известно, древние научные трактаты составлены на языке сутр. Само слово «сутра» (sūtra) означает «нить», «краткое правило или изречение» и в дальнейшем: «трактат или руководство, содержащее такие правила или изречения». Язык сутр отличается алгебраической краткостью стиля². Сутры должны передавать существо изречения и не должны содержать ничего излишнего и сомнительного. Они должны избегать повторений и соблюдать большую экономию слов. Литература сутр возникла в тот период, когда ведическая литература стала громоздкой и ведические мыслители обязаны были систематизировать свои взгляды³. Этим стилем были написаны изложения в всех шести основных систем индийской философии. Максимальная краткость сутр делает трудным понимание их без комментария⁴.

Изучение философских сутр имеет в Европе более чем столетнюю традицию, которая выработала определенный метод, применяемый в рассмотрении языка и стиля сутр и в их датировке.

Рассматривая вопрос о времени возникновения философских сутр, крупнейший и общепризнанный авторитет в области буддийской культуры и индийской философии,

¹ N. Ch. Vandyopadhyaya, Kautilya or an Exposition of his social ideal and political theory, т. I, стр. 19 сл.; J. Jolly, ук. соч., стр. 30.

² Ф. И. Щербатской, Теория познания и логика по учению позднейших буддистов, ч. II. Учение о восприятии и умозаключении, СПб, 1909, стр. 22.

³ S. Radhakrishnan, Indian Philosophy, т. II, L., 1948, стр. 22.

⁴ Там же.

акад. Ф. И. Щербатской считал, что «сутры главных философских систем, в той форме, в которой они до нас дошли, вовсе не принадлежат к той глубокой древности, к какой их обыкновенно причисляют, и не принадлежат к тем полумифическим авторам, с именами коих их связывает традиция. Философские системы существовали гораздо раньше составления сутр, которое относится к эпохе начинавшегося расцвета средневековой санскритской литературы. Сутры были составлены вскоре после появления буддийской школы и ога чаров и лишь приписаны древним авторам, очевидно, для придания этим сочинениям большей авторитетности. Время их составления, следовательно, есть V век после Р. Х.»¹.

Можно по аналогии предположить, что и сутры Артхашастры не принадлежат к отдаленной древности, поскольку сам памятник, как отмечалось выше, представляет собою результат длительной работы нескольких поколений исследователей в области политики.

Для подкрепления этого предположения можно указать на некоторые стилистические и смысловые параллели из Артхашастры и других санскритских памятников. Такие параллели из различных памятников, а именно: из «Камасутры» и «Мудраракшасы», из поэм Калидасы — «Рагхуванши» («Родословная Рагху») и «Кумарасамбхавы» («Рождение бога войны»), из «Дашакумарачариты», из многочисленных смрити (законодательных книг) уже приводились рядом исследователей. Приведем для иллюстрации некоторые из них. Так, в Камасутре (около IV в. н. э.)² читаем: 1) *kāmasūtram idaṃ praṇītam | tasyāyaṃ prakaraṇādihikaraṇa-samuddeṣaḥ | ... vidyā-samuddeṣaḥ ... aupaniṣadikam* | (Kāma., I, 1) ... «Составлено это руководство любви. Вот перечисление его отделов и разделов... Классификация наук... О тайных средствах». Этому соответствует почти буквально отрывок из Артхашастры: ... *idaṃ arthaśāstraṃ kṛtam | tasyāyaṃ prakaraṇādihikaraṇa-samuddeṣaḥ | vidyā-samuddeṣaḥ | ... aupaniṣadikam* (Artha., I, 1, 1-2, 158), «... Составлено это руководство политики. Вот перечисление его отделов и разделов. Классификация наук... О тайных средствах».

2) *Kāmapadhā-śuddhān rakṣiṇo 'ntahpure sthāpayed ity ācāryāḥ* | (Kāma., V, 6) «Очищенных хитростью любви пусть он ставит охранителями в женской половине дворца — так считают учителя». Соответствующее место в Артхашастре гласит: *kāmapadhā-śuddhān bāhyabhyantara-vihāra-rakṣāsu (sthāpayet)* | (Artha., I, 10, 22) (Министров), очищенных хитростью любви, пусть он (царь) ставит на дела по охране увеселений внутри двора и вне его».

3) *artho dharmāḥ kāma ity artha-trivargaḥ | anartha 'dharmo dveṣa ity anartha-trivargaḥ* | (Kāma., VI, 6). «Выгода, закон и наслаждение — это тройное сочетание пользы. Убыток, беззаконие и ненависть — это тройное сочетание вреда». Соответствующее место из Артхашастры: *artho dharmāḥ kāma ity artha-trivargaḥ ... anartha 'dharmāḥ ṣoka ity anartha-trivargaḥ* | (Artha., IX, 7, 68, 70). «Выгода, закон и наслаждение — это тройное сочетание пользы... Убыток, беззаконие и печаль — это тройное сочетание вреда».

В Кумарасамбхаве и Рагхуванше (около V в. н. э.)³ говорится:

1) *bhūta-pūrvam abhūta-pūrvam vā janapadaṃ paradeṣa-pravāhena svadeṣābhīṣyanda-vamanena vā niveṣayet* | (Raghu., XV, 29; Kumara., VI, 37). Соответствующее место из Артхашастры: *bhūta-pūrvam abhūta-pūrvam vā janapadaṃ paradeṣapavahana-svadeṣābhīṣyanda-vamanena vā niveṣayet* | (Artha., II, 11). Перевод в обоих случаях одинаковый: «Пусть (царь) производит заселение области, как существовавшей прежде, так и не существовавшей, путем привлечения (или: вывода) (жителей) чужих стран или выселением избытков (населения) своей страны».

2) *dharmādharmau trayāṃ arthānarthau vārtāyāṃ paṇānayanau danḍanītyāṃ iti* |

¹ Ф. И. Щербатской, ук. соч., стр. 4.

² Цитировано по Р. Шамашастри, ук. соч., стр. XI.

³ Цитировано по Р. Шамашастри, ук. соч., стр. XII—XIII.

(Raghu., XVIII, 50). Соответствующее место в Артхашастре совпадает почти буквально: dharmādharmau trayuṣām arthānarthau vārtāyām nayāpanayau daṇḍanītyām | (Artha., 1, 2₁₁). Перевод в обоих случаях такой: «(Философия, следуя доводами) законное и незаконное в учении о трех ведах, польза и вред в учении о хозяйстве, верную и неверную политику в учении о государственном управлении...».

Некоторые параллели и важные общественно-политические термины, такие как cāsana «указ», ari-śad்வarga-jaya «победа над объединенными шестью врагами (т. е. чувствами)», vidyā-vṛddha-saṅyoga «общение с учеными старцами» и др., общие в Артхашастре и Рагхуване, приводятся в своей работе Дашаратха Шарма¹. Многочисленные соответствия, обнаруженные в Артхашастре и различных смрити, законодательных книгах, обстоятельно показаны Дж. Джолли и распределены тематически по 33 разделам².

Несколько примеров из «Дашакумарачариты» (конец VI или начало VII в. н. э.), имеющих параллели в Артхашастре, приведены Р. Шамашастри³. Будет не безинтересно привести дополнительно несколько сопоставлений из этих двух памятников.

В восьмой главе основного текста Дашакумарачариты⁴ читаем: nanu catasro rāja-vidyās trayī vārtānvīksikī daṇḍanītir iti | tasya tisaras trayī-vārtānvīksikyo mahatyo manda-phalāc ca, tās tāvad āsatām | adhiṣṭva tāvad daṇḍanītim | (Daṣa., II, 8, 10-14). «Разве не существуют четыре науки, предназначенные для царя: учение о трех ведах, учение о хозяйстве, философия и учение о государственном управлении? Среди них три — учение о трех ведах, учение о хозяйстве и философия, хотя и важные, но к конечному результату приводят медленно. Пусть же они остаются в стороне. Изучи ты науку о государственном управлении». Соответствующее место из Артхашастры гласит: ānvīksakī trayī vārtā daṇḍanītiḥ ceti vidyāḥ | ... catasra eva vidyā iti kauṭilyaḥ | ... ānvīksakī-trayī-vārtānām yogakṣema-sādhano daṇḍa. | tasya nītir daṇḍanītir | ... tasyām ayattā lokayātrā | (Artha., I, 2, 1,8; 4, 4-5,7). «Философия, учение о трех ведах, учение о хозяйстве, учение о государственном управлении — это науки... Наук именно четыре — так считает Каутилья... То, что обеспечивает сохранение и благополучие философии, троицы вед и учения о хозяйстве, есть жезл. Управление им есть наука о государственном управлении... От нее зависят мирские дела». В этих произведениях общим является не только число наук и их классификация, но и то, что наиболее полезной и способной привести к скорейшему результату признается наука о государственном управлении.

Во второй главе основного текста «Дашакумарачариты» приводится спор между юною гегерой Камаманьджари и отшельником Маричи о значении трех главных целей человека в жизни (trivarga-balābala)⁵: о богатстве или пользе, любви или наслаждении и религии или законе. Рассуждения Камаманьджари носят явно реалистический характер и согласуются с соответствующими положениями Артхашастры.

«Как глупы, однако, люди, — говорит Камаманьджари, — что ставят в один уровень и богатство, с одной стороны, и религию — с другой (mūḍhaḥ khalu loko yat sāha dharmaḥ arthakāmāv ari garayati)⁶... Разве богатство и любовь не существуют

¹ Dasharatha Sharma, The Arthashastra in the Raghuvaṃśa, «The Indian Historical Quarterly», XXVII, 1951, № 2, стр. 129—137.

² J. Jolly, ук. соч., стр. 12—17.

³ R. Shamasastri, ук. соч., стр. IX.

⁴ Цитируется по комментированному изданию текста: The Daśakumaracarita of Daṇḍin with the commentaries (Padachandrika and Bhūṣhaṇa) of Kavīndra Sarasvatī and Śivarāma, Edited with various readings by N. B. Godabole and K. P. Parabha, Bombay, 1883.

⁵ Daśakumaracarita, II, 2, стр. 42₈.

⁶ Там же, стр. 42₅₋₆.

совершенно независимо от религии? (nanu dharmād rte 'rtha-kāmayor an-utpattir eva)¹. Религия, ведь, стоит совершенно особняком от них (tad-anapekṣa eva dharmo)². Она ведет к блаженству Нирваны, что достигается исключительно погружением в сосредоточенное размышление. Эта цель находится в зависимости от факторов внешнего мира, подобно богатству и любви (so 'rtha-kāma-vad bahya-sandhāneṣu nā 'tūyāte)³. Религия укрепляется знанием истинной сущности вещей, ей не противоречат те или другие занятия, посвященные богатству и любви (tattva-darṣanopabr̥hitaḥ ca yathā-kathāncid aru anuṣṭhiyamānābhyāṃ nā 'rtha-kāmābhyāṃ bādhyate)⁴. Но даже если бы она и потеряла ущерб от таких занятий, то небольшим усилием можно поправить дело и, освободившись от греха, достигнуть значительной религиозной заслуги⁵.

Соответствующее место в Артахаштре о взаимоотношении трех главных целей человека, или трех факторов, сформулировано так: vārtā danḍānītiḥ ceti bārhaspatyaḥ | saṅvaraḥ-mātraṃ hi trayī lokayātrā-vida iti | (Artha., I, 24-5)... evaṃ vaçyendriyaḥ para-strī-dravya-hiṅsāḥ ca varjayet | svapnāṃ laulyam anrtam uddhata-veṣatvam anartha-saṅyogaṃ ca | adharma-saṅyuktāṃ cā 'nārtha-saṅyuktāṃ ca vyavaharam | dharmārtha-virodhena kāmam seveta | na niḥsukhaḥ syāt | samāṃ vā trivargam anyonyānu-bandham | eko hy atyāsevito dharmārtha-kāmānām ātmānam itarāṃ ca piḍayati | artha eva pradhāna iti kauṭilyaḥ | artha-mūlau hi dharmā-kāmāv iti | (Artha., I, 7, 3-11). «Учение о хозяйстве, учение о государственном управлении (— это науки) — так считает школа Брихаспати, ибо учение о трех ведах (т. е. религия) для знающего житейский обиход только внешняя оболочка... Таким образом, и с обузданными чувствами, пусть он отклоняет от себя оскорбление чужих жен и похищение имущества, сонливость, похоть, неправду, надменную манеру, вредные влечения, дела, соединенные с беззакониями или вредные. Пусть он отдается любви, не нарушая закона и пользы; пусть не будет лишен наслаждения или пусть в равной мере отдается тройке, части которой связаны друг с другом. Ибо единое из трех — закона, пользы и любви, чрезмерно чтимое, вредит себе и двум другим. Каутилья считает, что главное — польза, ибо закон и любовь основаны на пользе».

Как видно из сопоставления этих мест, рассуждения о трех целях человека в жизни, вложенные в уста гетеры Камаманьджари, согласуются по своей сути с соответствующими положениями, сформулированными в Артахаштре.

Приведем далее еще один небольшой отрывок (Даṣа., II, 2, стр. 43₁₁₋₁₄), где гетера отвечает отшельнику: arthas tāvad arjana-varadhana-rakṣaṇātmakah, kṛṣi-pācupālya-vāñijya-sāndhivigrahādī-parivaraḥ, tīrtha-pratipādana-phalaḥ ca | «Во-первых, что касается богатства, то сущность его состоит в приобретении, приумножении и сохранении. Сопутствующие обстоятельства состоят в земледелии, в скотоводстве, торговле, в мирных договорах, в войне и т. п. Конечный результат есть достижение важности и всеобщего уважения»⁶.

Эти рассуждения также основаны на положениях Артахаштры, которые звучат следующим образом: kṛṣi-pācupālye vāñijya ca vārtā | dhānya-paçu-hiraṇya-kupya-ṽṣṭi-pradānād aupakārikī | tayā svarakṣaṃ parapakṣaṃ ca vaçīkaroti koça-danḍā-

¹ Там же, стр. 42₉₋₁₀.

² Там же.

³ Там же, стр. 42₁₁.

⁴ Там же, стр. 42₁₁₋₁₂.

⁵ Дандин, Приключения десяти прищев. Перевел с санскритского Ф. Щербатской, «Восток», 1923—1925, кн. 3, стр. 60 сл.

⁶ Последнее место: tīrtha-pratipādana акад. Ф. И. Щербатской перевел весьма вольно: «достижение важности и всеобщего уважения», очевидно, в интересах популярности перевода. Между тем, точный перевод этих слов должен означать: «раздача или распределение (добра) среди достойных лиц», что, очевидно, должно служить средством для достижения важности и всеобщего уважения.

bhyam | . . . daṇḍanītiḥ | alabdha-lābhārthā labdha-parirakṣaṇī rakṣita-vivardhanī vrd-dhasya tīrtheṣu pratipādant ca | (Artha., I, 4, 1-3; 5-6). «Земледелие, скотоводство и торговля составляют учение о хозяйстве. Оно приносит пользу доставлением зерна, скота, золота, лесного товара и обязательного труда. При помощи его (царь) подчиняет себе сторонников и врагов через казну и войско. . . наука о государственном управлении. Она состоит в приобретении еще недобытого, в сохранении приобретенного, приумножении охраненного и в распределении среди достойных приращенного добра».

В этих отрывках многие термины являются общими для обоих памятников. Например, trayī vārtā ānvīkṣikī daṇḍanīti (Daṇḍa.) соответствуют: ānvīkṣakī trayī vārtā daṇḍanīti (Artha.) «учение о трех ведах, учение о хозяйстве, философия и учение о государственном управлении»; trivarga (dharma, artha, kāma) «тройка», т. е. три фактора, три ценности или три главные цели человека: закон, польза и любовь;— одинаково в обоих памятниках; arjana-varhdhana-rakṣaṇa (Daṇḍa.) соответствует: lābha, vivardhana, parirakṣaṇa (Artha.) «приобретение, приумножение и сохранение»; kṛṣi-ṛaṣupālyavāṇijya (Daṇḍa.) — kṛṣi-ṛaṣupālye vāṇijya ca (Artha.) «земледелие, скотоводство и торговля». tīrtha-pratipādana (Daṇḍa.) — tīrtheṣu pratipādana (Artha.) «распределение среди достойных лиц».

Таким образом, сопоставление Артхашастры с другими произведениями, составленными на языке шастр¹ или же номинальным стилем (роман), свидетельствует о большом сходстве как в отношении стиля, так и в отношении терминов и содержания некоторых отрывков. Если предположить, что наиболее ранние из этих произведений, «Камасутра» и «Дхармасутра», относятся предположительно к IV в. н. э., а более поздние, «Дашакумарачарита» и др. к концу VI или началу VII в. н. э., — то очевидно, что окончательное оформление трактата Артхашастры, как цельного произведения в дошедшем до нас виде не могло произойти в период, слишком отдаленный от эпохи создания этих произведений. Подтверждением такому предположению служит также «Нитисара» Камандаки, которая характеризуется самим автором как извлечение из Артхашастры Каутильи и должна быть отнесена к периоду между V и VI вв. н. э.²

Считается общепризнанным, что Артхашастра составлена на языке сутр, однако последний весьма приближается к языку произведений номинального стиля, относящихся к раннему средневековью.

Подлинное существование основного санскритского текста, в особенности научного содержания, подтверждается обычно каким-либо комментарием (bhāṣya), написанным на него³. Но без таких комментариев сутры философские, грамматические или какие-либо иные были бы непонятны и даже невозможны⁴. Между основным санскритским текстом (mūla) и написанным на него комментарием (bhāṣya) не может лежать сколько-нибудь значительный промежуток времени, так как в характере вопросов, их трактовке и разрешении не наблюдается достаточно существенных различий. Так, между грамматикой Панини (около V—IV вв. до н. э.) и сочинением Паганджали (около II в. до н. э.), представляющим собой «Большой комментарий на грамматику Панини» (Pāṇinīya-vyākaraṇa-mahābhāṣya), лежит промежуток времени приблизительно в два столетия. Что касается Артхашастры, то нам известны только два комментария к ней. Один — «Pratipadapāṇcīkā», — написанный на вторую книгу, принадлежит Бхаттасваминому, о времени жизни которого пока ничего неизвестно⁵, другой

¹ Т. е. на языке научных произведений или трактатов.

² Относительно даты «Нитисары» существуют различные мнения, указанная дата нам кажется более вероятной.

³ Ф. И. Щербатской, ук. соч., стр. 4—5.

⁴ М. Мюллер, ук. соч., стр. 208; S. Radhakrishnan, ук. соч., стр. 22.

⁵ Bhatta-Swāmin's Commentary on Kautilya's Artha-Śāstra. Edited by K. P. Jayaswal and A. Banerji-Sastri, «The Journal of the Bihar and Orissa

—«Naya Candrikā» — на книги VII—XII, очевидно, сравнительно ранний, принадлежит Мадхаве Яджве¹. Интересно отметить, что текст Артхашастры представляет собой смешанный стиль, состоящий из сутр (sūtra) и комментариев (bhāṣya), причем комментарий составлен самим же автором. Об этом говорится в заключительном стихе Артхашастры: *dr̥stvā vipratipattīm bahubhā cāstreṣu bhāṣyakarāḍam|| svaym eva viṣṇuguptaḥ cakāra sūtram ca bhāṣyam ca||*. «Видя многочисленные противоречия в трудах комментаторов, Вишнугупта сам составил основной текст (сутры) и толкования к нему».

Таким образом, приведенные здесь соображения и доводы позволяют нам отнести особенности языка и стиля Артхашастры к характерным чертам произведений раннего средневековья. Предположительно можно указать на III в. н. э. как на более вероятную дату создания Артхашастры в целом.

Было бы, однако, несправедливым и несерьезным отрицать, что в Артхашастре имеются места, которые могут быть отнесены к более раннему периоду, к первым векам до н. э., ко времени династии Маурья. Возможно, что идея такого произведения, представляющего собою весьма сложный компендиум политики, возникла действительно во времена Чандрагупты Маурья, когда появилась необходимость в организации прочной государственной власти для борьбы против чужеземного ига, навязанного народам Индии вторжением войск Александра Македонского. И вполне вероятно, что основное ядро трактата возникло в школе Каутильи.

Но вряд ли можно считать, что в целом произведение это не испытало на себе различных влияний; напротив, следует предполагать, что в нем сделано множество интерполяций в более позднее время.

Это предположение может быть подкреплено также тем обстоятельством, что во многих местах Артхашастры имеются ссылки на самого Каутилью, который цитируется в 3-м лице: *iti Kauṭilyaḥ* «так считает Каутилья», *neti* (на *iti*) *Kauṭilyaḥ* «нет, говорит Каутилья»².

Аналогичная картина наблюдается и в философских произведениях³.

Приведенные выше сопоставления свидетельствуют о том, что сама Артхашастра и те санскритские памятники, с которыми она перекликается, принадлежат в дошедшей до нас форме приблизительно к одной и той же литературной эпохе или разделяются между собой весьма небольшими периодами. Можно считать вполне вероятным, что рассматриваемое нами руководство политики составлялось или записывалось последователями школы Каутильи в более позднюю эпоху по сравнению с той, когда возникла идея такого произведения и его основное ядро. Руководство же в целом, как это предполагается и в отношении философских сутр⁴, было, оче-

Research Society», т. XI (1925), ч. I—4; т. (1926), ч. 1—3; В. Brelœg, ук. соч., стр. 69.

¹ J. Jolly and R. Schmidt, ук. соч., т. II. О комментарии Мадхаве Яджвы также ничего достоверного неизвестно.

² Следует отметить, что даже среди индийских ученых нет твердо установленного чтения имени автора Артхашастры, этимология его объясняется различно. Так, Н. Ч. Бандйюпадхьяя читает: *Kauṭilya*, что в буквальном переводе означает: «кривизна, изгиб», т. е. как абстрактное имя, произведенное от слова *kuṭīla* «кривой, изогнутый». Ганапати Шастри производит это имя от слова *kuṭāla*, которое обозначает название готры (рода), и читает: *Kauṭalya*, что означает буквально «происходящий из готры (рода) Куталы». См. N. Ch. Bandyopadhyaya, ук. соч., стр. 1; Jaganlāl Gupta aur Bhagavāndās Kelā, *Kauṭilya ke ārthik vicār* (на хинди), Vṛndabān, 1933, стр. 3.

³ См. Ф. И. Щербатской, ук. соч., стр. 11—12; см. также: S. Radhakrishnan, ук. соч., стр. 23.

⁴ М. Мюллер, ук. соч., стр. 12 сл., 80, 109, 164, 188 сл.; Ф. И. Щербатской, ук. соч., стр. 4, 11 сл., 21, 23, 28 сл.; см. также S. Radhakrishnan, ук. соч., стр. 23.

видно, приписано Каутилье, как древнему учителю, родоначальнику особой школы политики, для придания этому сочинению большей авторитетности. Задача исследователей должна состоять в том, чтобы путем всестороннего анализа выяснить, что относится к ядру и что — к позднейшим наслоениям.

В. И. Кальянос